

такої інтерпретації комунікація втратила б значну частку своєї привабливості, свою онтологічну інтригу.

Неможливо бути повноправним господарем смислу висловлювання, оскільки соціокультурний контекст і сфера безсвідомого розмивають смислову виразність, надають їй дифузних ознак «на вході» – тобто при засвоєнні адресатом. Ця особливість автоматично нарощує інструментальне реноме інтерпретації і розуміння.

Тлумачення постає істотним атрибутом, формою і способом функціонування філософських знань. Нове філософське знання завжди є результатом інтерпретації. Плуралізм філософського знання забезпечується його інтерпретаційною природою. Інтерпретація ж передбачає діалогічне відношення пізнаючого суб'єкта з особливим предметом, що виокремлюється на підставі специфіки історичного, культурного, буттєвого та співбуттєвого контекстів.

Інтерпретаційна діяльність людини є невід'ємною складовою її буття, яке завжди тлумачиться певним чином. Потреба в цьому зумовлена не лише різним відношенням суб'єкта до світу, а й мінливістю самого світу. Для розуміння природи інтерпретації важливо, що людина сприймає світ не безпосередньо, а через знаковий взагалі і мовний зокрема символізм, який вимагає тлумачення не тільки пізнавальної, а й будь-якої іншої діяльності. Все в світі несе відбиток сенсу (сенси), і людина, що перебуває в цьому світі, вписується в нього (у них), діє відповідно до нього (них), сама знаходить сенс (сенси). Це означає, що процеси інтерпретації і розуміння не є лише методологічними процедурами для роботи з текстами; вони – фундаментальна основа буття і пізнання.

Список використаних джерел

1. Античные теории языка и стиля: (Антология текстов). – СПб.: Алетейя, 1996. – 362 с.
2. Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология. XX век. Антология / Гл. ред. и сост. с. Я. Левит. – М.: Юрист, 1995. – С.213–255.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
4. Лессинг Т. Ницше, Шопенгауэр и Вагнер // Культурология. XX век. Антология. – М.: Юрист, 1995. – С.399–434.
5. Лотман Ю. Текст в тексте // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1981. – 148 с.
6. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше. – М.: REFL–book, 1994. – 352 с.
7. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое / Ф. Ницше. Сочинения. В 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т.1. – 829 с.
8. Парандовский Я. Алхимия слова. – <http://www.livelib.ru/book/1000089626/quotes>.
9. Предемайер К. Черная риторика: Власть и магия слова / Карстен Предемайер; Пер. с нем. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 224 с.
10. Розин В. М. Мышление и творчество. – М., 2006. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. – <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6467>.
11. Husserl E., Gibson W. R. B. Ideas: General Introduction to Pure Phenomenology. – London: George Allen and Unwin, 1931. – 428 p.
12. Kogler H. H. The Power of Dialogue. – London: ThcrMIT Press Cambridge, 1996. – 323 p.
13. Tillich P. Anxiety–Reducing Agencies in Our Culture. – New–York: Grune and Stratton, 1950. – 420 p.

References

1. Antichnyye teorii yazyka i stilya: (Antologiya tekstov). – Spb.: Aleteyya, 1996. – 362 s.

2. Dil'tey V. Tipy mirovozzreniya i obnaruzheniye ikh v metafizicheskikh sistemakh // Kul'turologiya. XX vek. Antologiya / Gl. red. i sost. s. Ya. Levit. – M.: Yurist, 1995. –S.213–255.

3. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem. – M.: Yeditorial URSS, 2004. – 256 s.

4. Lessing T. Nitshe, Shopengauer i Vagner // Kul'turologiya. XX vek. Antologiya. – M.: Yurist, 1995. – С.399–434.

5. Lotman Yu. Tekst v tekste // Trudy po znakovym sistemam. – Tartu, 1981. – 148 s.

6. Nitshe F. Volya k vlasti: opyt pereotsenki vsekh tseinnostey / F. Nitshe. – M.: REFL–book, 1994. – 352 s.

7. Nitshe F. Chelovecheskoye, slishkom chelovecheskoye / F. Nitshe. Sochineniya. V 2 t. – M.: Mysl', 1990. – Т.1. – 829 s.

8. Parandovskiy Ya. Alkhimiya slova. – <http://www.livelib.ru/book/1000089626/quotes>.

9. Predemayyer K. Chernaya ritorika: Vlast' i magiya slova / Karsten Predemayyer; Per. s nem. – M.: Al'pina Biznes Buks, 2005. – 224 s.

10. Rozin V. M. Myshleniye i tvorchestvo. – M., 2006. [Elektronnyy resurs] // Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy. – <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6467>.

11. Husserl Ye., Gibson W. R. B. Ideas: General Introduction to Pure Phenomenology. – London: George Allen and Unwin, 1931. – 428 p.

12. Kogler H. H. The Power of Dialogue. – London: ThcrMIT Press Cambridge, 1996. – 323 p.

13. Tillich P. Anxiety–Reducing Agencies in Our Culture. – New–York: Grune and Stratton, 1950. – 420 p.

Shnizer M. M., lecturer in philosophy, Uzhgorod National University (Ukraine, Uzhgorod), lepan@ukr.net

Interpretative potential of metaphor

The efficiency of each linguistic tool depends, first and foremost, on the perfection of their function performance. The interpretative potential has the crucial importance for ranging linguistic tools. As the nature of metaphor is coherent with the principals and algorithms of human understanding, its interpretative resources are quite respectable and competitive.

Keywords: linguistic tools, metaphor, interpretative potential, public consciousness, communication, principles of action, algorithms of human understanding.

* * *

УДК 21:14

Гансова Э. А.,

доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и менеджмента социокультурной деятельности, ГУ «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского» (Украина, Одесса), marlinna@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ФИЛОСОФСКО–СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Целью настоящего исследования является разработка логико–методологических оснований синтеза философии и социологии. Нам представляется, что подобная интеграция двух видов научного знания способна обогатить и философию, и социологию, как методами исследования, так и результатами. Мы предполагаем, что сегодня представление об этих двух науках должно претерпеть определенные изменения. С одной стороны, важно видеть их принципиальное различие, но, с другой стороны, возможна их интеграция. Междисциплинарный синтез требует разработки определенной логики, чтобы избежать механического объединения наук. Такая логика предлагается нами в данной работе. Мы полагаем, что элементами связи должны стать законы и категории социологии и философии, а также те идеи, которые содержатся в трудах классиков обеих наук.

Ключевые слова: философско–социологического знания, синтеза философии и социологии, междисциплинарный синтез.

(статья друкється мовою оригіналу)

Междисциплинарный синтез представляет собой особый вид методологии.

Интеграция различных видов научного знания способна обогатить познавательный процесс как методами исследования, так и результатами. Мы предполагаем, что с одной стороны, важно видеть принципиальное различие предметов наук, но, с другой стороны, возможно и их соединение.

Междисциплинарный синтез требует разработки определенной логики, чтобы избежать механического объединения наук. Такая логика предлагается нами в данной работе. Мы полагаем, что элементами связи должны стать законы и категории социологии и философии, а также те идеи, которые содержатся в трудах классиков обеих наук.

Историческое самоопределение социологии произошло благодаря Огюсту Контю, который, с одной стороны, дал название новой науке, а с другой стороны, в названии и содержании своей работы сохранил место для философии. «Позитивная философия», по замыслу автора, должна была найти практическое применение.

Тем не менее, разграничение предметов двух наук состоялось. Схематически оно выглядит следующим образом. Для философии характерным является субъектно–объектный принцип, т.е. наличие активно и целенаправленно познающего субъекта, чья познавательная деятельность направлена на противостоящий ему объект.

Социология же предполагает субъект–субъектный принцип, согласно которому субъект познавательной деятельности ориентирован на другого субъекта, с которым он взаимодействует, что на «языке» социологии получило название «социальное действие».

Следующее отличие мы находим в системе законов и категорий двух наук. Законы философии носят предельно общий характер, тогда как законы социологии ограничены масштабами не просто общества, а сферой социальных отношений. Они призваны объяснять механизмы направленности человеческих действий, обусловленных социальной средой, интересами, потребностями, мотивами, установками и ценностными ориентациями акторов.

Существенно отличается и категориальный аппарат двух наук. Философский дискурс основан на понятиях «бытия», «мышления», законах и категориях диалектики. Социологическая теория содержит понятия «институт», «социальные отношения», «социальная структура», «социальная группа», «социальная роль» и др.

Целью философского познавательного процесса является достижение истины. Социологические же исследования предполагают «понимание» ценностей. Данную цель преследуют и эмпирические методы социологии.

Наконец, различие между двумя научными дисциплинами мы находим и в их функциональном предназначении. Если философия призвана выполнять, в первую очередь, методологическую, мировоззренческую и идеологическую функции, то социология находит применение в управленческо–регулятивной и информационной сферах, выполняет прогностическую функцию.

Взаимодействие двух наук происходит, прежде всего, в процессе их применения. Законы и категории диалектики придают управленческому мышлению определенное видение и понимание социальных проблем. Применение социологических теории и

методов позволяет исследовать причины появления данных проблем, оценить их, предложить методы регулирования проблемной ситуации.

Так, например, политика, связанная с «декоммунизацией» украинского общества предполагает такой метод «отрицания», который должен быть основан на диалектическом понимании процесса «отрицания». С точки зрения социологии, речь должна идти о смене ценностных приоритетов.

Закон перехода количественных изменений в качественные находит свою реализацию в социологии в связи с исследованием общественных настроений, в частности протестных настроений. Задача социологии в этом случае заключается в изучении общественного мнения, фиксации его динамики и предвидении возможности социального «взрыва». Так, на протяжении нескольких последних лет социологические исследования фиксировали стабильную цифру респондентов, готовых участвовать в акциях протеста. Это – 40% опрошенных, хотя реально в акциях протеста обычно принимает участие менее одного процента.

Количественный фактор присутствует и в процессе национальной самоидентификации, что позволяет существенно дополнить официальную статистику и спрогнозировать возможные негативные явления, связанные с агрессивным поведением радикально настроенных представителей этно–национальных общностей. Так, например, в Украине, согласно переписи 2001 года, проживает 78% украинцев, 17% русских и 5% представителей национальных меньшинств.

Согласно результатам переписи населения, проживающего в Крыму, 78% – это те, кто идентифицировал себя с россиянами.

В Одесском полиэтническом регионе результаты самоидентификации населения показали иную статистику. 60% назвали себя украинцами, 25% – русскими и 15% – представителями других этно–национальных групп.

Данная статистика могла стать объектом прогнозирования, в процессе которого внимание социологов и политиков могли бы привлечь не только численно большие группы, но и малочисленные группы населения. Именно российско–ориентированная группа стала главным участником драматических событий в Одессе 2 мая 2014 года.

Закон единства и борьбы противоположностей проявляет себя в процессе осуществления ранговой корреляции, а именно при сопоставлении ценностных приоритетов населения Украины и представителей депутатского корпуса. Население на протяжении ряда лет помещает такую ценность как здоровье на первое место в ранговой шкале, тогда как права человека оказались на 6–м месте, а политические идеалы – на одном из последних.

Ценности в ранговой шкале депутатов оказались расположенными в ином порядке. Здесь приоритетное место заняли политико–правовые ценности. Корреляционный анализ показывает, что значение коэффициента ранговой корреляции может колебаться от нуля в случае отсутствия совпадения, до плюс единицы в ситуации наличия полного совпадения. Если же ранговые шкалы демонстрируют полное несовпадение, то коэффициент ранговой корреляции

равен минус единице. Формула выглядит следующим образом:

где числитель означает сумму квадрата разности рангов, которая получается при сопоставлении одних и тех же ценностей, но занявших разные позиции на каждой из шкал. Знаменатель означает разность между количеством позиций на каждой шкале.

Столь же методологически целесообразно обращаться к категориям диалектики, в частности к категориям случайности и необходимости. Методы социологии, в значительной мере, предполагают обращение к статистике. Используя случайную выборку и другие методы сбора информации, в частности различные методы опроса, социология обнаруживает тенденции социальной динамики.

Категории «причина» и «следствие» оказываются важными инструментами анализа. Социология обращается к понятию «фактор». Если в философии причина несет ответственность за соответствующее ей следствие, то в социологии фиксируется теснота связи между факторами. Так, значение равное 0,5 в результате соответствующей операции свидетельствует о наличии достаточно значимой связи между факторами.

Например, можно, используя метод контент-анализа, рассмотреть влияние СМИ и интернета на изменения, которые сегодня происходят в отношении граждан Украины к России. Так, по данным Института социологических исследований им. Розумкова, 50% респондентов Украины считают необходимым введение визового режима с Россией.

Методологическую роль выполняют и категории «особенное» и «общее». Сегодня украинское общество ориентировано на Европу. Однако, в поисках общих норм и ценностей Украина сохраняет то особенное, что свойственно национальной культуре.

Речь идет не только о языке, но в первую очередь, о той специфике, на которую в свое время обратили внимание классики украинской социологии. Богдан Кистяковский, описывая обычаи и традиции украинцев, приходит к выводу, что для них характерным является «звичаєво право».

На «языке» правовой науки это означает «природное право». Последнее отличается от, так называемого, «позитивного права» своим происхождением. Если источником позитивного права является государство, то природное право представляет собой укоренившиеся обычаи и традиции, которые превратились в нормы права.

«Неправовая» природа украинцев сегодня прослеживается в распространенности такого явления как коррупция.

Образцы поведения становятся объектами подражания для последующих поколений. Сегодня одной из задач правового воспитания является не только правовое образование. Источником правового нигилизма следует считать отсутствие традиций, связанных с соблюдением правовых норм в обществе.

Классики украинской социологии обращали внимание на тот факт, что нравственное начало здесь всегда доминировало над правовым.

В трудах классиков социологической науки, в частности М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса можно найти элементы синтезированного философско-социологического знания.

Тезис М. Вебера относительно «свободы от ценностей», предполагает объективный подход, аналогичный философскому. Тогда как принцип «отнесения к ценностям» обращен к социологии, хотя в данном случае речь идет не о субъективных ценностях, а о ценностях культуры, характерных для определенной эпохи.

В своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебер демонстрирует влияние этики как философского знания на мотивацию субъектов. Специфика протестантской этики заключается в том, что те, кто ее исповедуют, убеждены, что если они и достигают успеха, то это благодаря тому, что они соблюдают ценности протестантского верования.

Философский характер приобретает и понятие «аномия» в интерпретации Э. Дюркгейма. Речь идет о влиянии кризисной ситуации в обществе на поведение индивидов.

Столь же синтезированным следует считать и трактовку категории «факт» в работе Э. Дюркгейма «Метод социологии». Фактом ученый называет явление, которое обладает следующими признаками: массовидностью, в силу чего оно превращается в элемент объективной реальности. Это – философская позиция. Приобретает определенную оценку в общественном мнении, что придает понятию «факт» социологическую окраску. Примером понимаемого таким образом факта может стать явление коррупции в Украине.

Обращение социологов к системной методологии также является признаком синтезированного знания. Система – это взгляд на объект как на нечто целое, состоящее из взаимосвязанных элементов.

Т. Парсонс объективирует свой взгляд на общество, предлагая формулу «AGIL», где «А» означает адаптационную функцию, которую выполняет экономика, «G» – целевую функцию. Имеется в виду политика. Социальной сфере Т. Парсонс отводит роль интегратора общества и латентная функция принадлежит культуре.

Неокантианство и феноменология органически сочетают философию и социологию. В первом случае трансцендентальный субъект действует в соответствии с идеалом (ценностью), конструируя социальное пространство. Аксиология как учение о ценностях получает детальное изложение в концепциях Риккерта и других.

В его понимании культуры прослеживается философско-социологическое единство, образованное благодаря категории «ценность».

«Как бы широко мы ни понимали эту противоположность», – пишет ученый, – «сущность ее всегда остается неизменной: во всех явлениях культуры мы всегда найдем воплощение какой-нибудь признанной человеком ценности, ради которой эти явления или созданы, или, если они уже существовали раньше, взлелеяны человеком; и наоборот, все, что возникло и выросло само по себе, может быть рассматриваемо вне всякого отношения к ценностям» [1].

Х. Коген, представитель неокантианского направления, полагает, что только само мышление может породить то, что может быть обозначено как бытие [2].

Во втором случае «жизненный мир» создается субъектом за счет рефлексии сознания, которое образует единство со своим бытием. Переживания

актера, согласно Ф. Гуссерлю, его рефлексия и порождает социальную среду, образуя то, что мы называем обществом.

«Философское познание, – пишет Ф. Гуссерль в работе «Гуссерлиана», – создает не только особые результаты, но и человеческую установку, которая тотчас же вторгается во всю остальную практическую жизнь... Оно формирует новое задушевное сообщество между людьми..., которые живут философией, связаны идеями, которые не только полезны всем, но и освоены всеми» [3].

Таким образом, на теоретическом и эмпирическом уровнях философия и социология находят «точки соприкосновения». Философия предлагает проблемы, которые становятся объектом социологического исследования.

Значение предлагаемого нами синтеза заключается также и в том, что философски ориентированное мышление может стать интеллектуальным потенциалом для практиков в области политики и управления. Философское видение реальности необходимо для формирования стратегии, тогда как социология важна в плане реализации стратегии и определения тактики.

Синтезированный подход к философии и социологии важно также учитывать и реализовывать в сферах педагогики и образования.

Изложение курса философии, особенно социальной, предполагает также и включение элементов социологической науки.

Социология и философия находят точки соприкосновения благодаря тому, что социология имеет трехуровневое строение. Она состоит из теории глобального уровня, теорий среднего уровня (теории отраслевые и теории, описывающие законы отдельных сфер жизни общества) и эмпирического уровня.

Благодаря такому строению социология поднимается до уровня философской интерпретации результатов своих исследований. Философия же, обращаясь к социологии, может найти реализацию своих идей в социологии. Философия помогает увидеть тенденции развития общества.

Список использованных источников

1. Риккерт «Науки о природе и науки о культуре». – М., 1998. – 120 с. // Rikkert «Nauki o prirode i nauki o kul'ture». – М., 1998. – 120 с.
2. Cohen H., Logik der Reinen Erkenntnis, B, 1902, p.67.
3. «Husserliana», Bd.6, Haag, 1954, p.334.

Gansova E. A., Doctor of philosophical sciences, Professor of philosophy, Sociology and Management of socio-cultural Activity South Ukrainian National Pedagogical University named after K. D. Ushynsky (Ukraine, Odessa), marlinna@yandex.ru

Features of philosophical and sociological knowledge

The goal of this research is development logical and methodological basis of integration of philosophy and sociology. Such integration of both kinds of knowledge is able to enrich as philosophy as sociology with methods of studying and results. Contemporary view of two sciences must be changed. From one side it is necessary to see their differentiation but from other side it is really their integration. The process of joining of two sciences demands the logic to avoid their mechanical integration. We offer such a logic. Elements of connection may be laws and categories of philosophy and sociology. A lot of common elements we can find in workers of classics of both sciences.

Keywords: *philosophical and sociological knowledge, integration of philosophy and sociology, interdisciplinary synthesis.*

Gansova E. A., doctor of philosophical sciences, professor of the department of philosophy, sociology and management of socio-cultural activity, DZ «Pivdennoukrainskyi natsionalnyi pedagogichnyi universitet imeni K. D. Ushynskogo» (Ukraine, Odessa), marlinna@yandex.ru

Особливості філософсько-соціологічного знання

Метою дослідження є розробка логіко-методологічних основ синтезу філософії та соціології. Така інтеграція двох видів знання здатна збагатити як філософію, так й соціологію методами дослідження й результатами. Сьогодні уявлення про ці дві науки повинно децю змінитися. З одного боку, треба бачити їх принципові відмінності, з іншого боку, можливою є їх інтеграція. Міждисциплінарний синтез вимагає розробки певної логіки для того, щоб уникнути їх механічного об'єднання. Така логіка пропонується в даній роботі. Елементами зв'язку повинні стати закони та категорії обох наук, а також ідеї, які ми знаходимо в творах класиків кожної з наук.

Ключові слова: *філософсько-соціологічне знання, синтез філософії та соціології, міждисциплінарний синтез.*

* * *

УДК 141.319.8:316.46:323.2

Дандекар Д. Д.,
аспірант кафедри філософської антропології,
Національний педагогічний університет ім.
М. П. Драгоманова (Україна, Київ),
dharmeshdandekar@yahoo.com

Політичне лідерство як феномен людського буття в культурі: плідність методологічних підходів метаантропології, андрогін-аналізу і гуманістичного психоаналізу

Осмилення природи політичного лідерства доводить до питання відносин політики і культури. Автор показує, що методологічні підходи гуманістичного психоаналізу, метаантропології й андрогін-аналізу є плідними для відповіді на нього. Ставиться проблема андрогінної цілісності людини, пари, людства, що долає все деструктивне у політичному бутті особистості, доводячи його до справжньої культури.

Ключові слова: *політичне лідерство, гуманістичний психоаналіз, андрогін-аналіз, метаантропологія, конструктивність, деструктивність, біофілія.*

Дослідження політичного лідерства в контексті людського буття в культурі ставить перед нами фундаментальне завдання осмилення відносин політики і культури. Якщо культуру розуміти як духовне і моральне буття людини, то політичне лідерство і політична діяльність взагалі можуть бути трактовані як антонім культури. Дійсно, в сучасній політиці ми бачимо багато аморального (або, в кращому разі, позаморального) і бездуховного. Проте, з іншого боку, не можна не заперечувати, що політична діяльність і політичне лідерство є умовою культури, адже саме політика здатна структурувати суспільство і дозволити йому бути культурним.

Політика – це спосіб перетворення суспільства у цивілізоване суспільство, а цивілізація є матеріальна умова існування культури. Не можна не погодитися з думкою сучасного українського дослідника Н. В. Хамітова, що «культура є духовне наповнення цивілізації, цивілізація – створення умов для розвитку культури» [3, с. 274]. На думку цього автора, «цивілізація набуває сенс як засіб розкриття соціально-економічного і культурного потенціалу держави, доведення його до світового рівня, тоді як культура набуває себе як засіб одухотворення й олюднення цивілізації» [3, с. 274]. Політична діяльність і її актуальний максимум –